

НА ПОРТРЕТЕ В. Серова — пятилетний большеглазый мальчик. Его облик проникнут удивительной чистотой и открытостью. Он сидит на самом краешке деревянного кресла, какие были модны в конце прошлого и начале нашего века, весь устремленный вперед, словно готовый сорваться с места и мчаться куда-то в будущее...

Этого человека так и звали потом всю жизнь «Мика Морозов». Звали (про себя, разумеется) все — и коллеги, и ученики. И в этом не было никакой фамильярности. Напротив, уважение и любовь. Ибо и в зрелом возрасте он сумел сохранить все ту же детскую чистоту, все ту же устремленность вперед.

Серовского мальчика и в самом деле ожидало большое будущее. Михаил Михайлович Морозов прожил недолгий век. Он умер в возрасте пятидесяти пяти лет, 9 мая 1952 года. Совсем недавно в издательстве «Искусство» вышел сборник его работ, и мы снова читаем его с интересом и немалой для себя пользой. Поистине долго живут те, кого долго помнят.

БИБЛИОТЕКА 8-й СТРАНИЦЫ

ИНТЕРЕСНО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

В этом сборнике — главное, что написал профессор М. Морозов. Здесь многочисленные работы о Шекспире, несколько статей об английской поэзии и драматургии и очерки о русских провинциальных актерах прошлого века.

Соединение столь разных трудов неудивительно. М. Морозов всю жизнь, собственно, и работал для русской сцены, помогая ей во всеоружии своей эрудиции, вкуса и поистине актерского темперамента осваивать то, что составило один из предметов ее славы — Шекспира. Да и только ли русской сцене помогал Михаил Михайлович? Нет, тут вспоминается история всего советского театра. Среди тех, кто обращался за советом к Морозову, были А. Ходжаев, С. Михоэлс, В. Тхапсаев, А. Хидоятов, С. Ишантураева и многие другие.

Работа над творчеством Шекспира — и в качестве ученого, и в качестве практического деятеля театра — была главным вкладом М. Морозова в советскую культуру.

На полках у многих из нас стоит небольшая зеленая книжечка «Шекспир» (1947). Она включена и в состав вышедшего сборника. К ней удивительно интересно обратиться сейчас, когда наше шекспироведение обогатилось многими, охватывающими разные аспекты творчества великого драматурга работами. На этом фоне книга М. Морозова представляется своего рода кратким (а потому и очень удобным) «введением в Шекспира», причем это «введение» писал человек, словно бы заранее знавший, что будет сделано в последующие годы. И в самом деле, те или иные страницы книги производят впечатление некоего наброска более поздних исследований. Конечно, последующие авторы не просто писали подробнее о том же самом. Здесь встречаются и заметные расхождения. В «Укрошении строптивой», например, есть персонаж, появляющийся вначале, а потом бесследно исчезающий. Это пьяница Слай, для которого якобы и разыгрывается вся комедия. Как мог Шекспир допустить такую драматургическую оплошность? И была ли здесь в

самом деле реальная ошибка? По мнению Морозова, Шекспир последующие выводы Слая подразумевал, но текста ему не дал, предоставив все выдумке актера-импровизатора. Существуют и другие точки зрения, что здесь мы имеем дело с неприщипливостью издателей, пропустивших часть реплик. Но если б не было подобных разногласий, че было бы и движения мысли.

Заслуга М. Морозова в том, что он очень определенно обозначил одну из точек отсчета в нашем шекспироведении. Для этого надо было обладать совсем особыми качествами. Главным достоинством М. Морозова было поразительное знание шекспировских текстов. Каждая его мысль имела крепчайшую опору в материале. Поэтому он и мог говорить так убедительно. Морозов был, если можно так выразиться, «реалистом в литературоведении».

Не удивительно, что М. Морозову удалось избежать многих легковесных утверждений и крайностей, которыми грешили иные литературоведы. Он прекрасно понимал народную основу творчества Шекспира и не выискивал, идеологом какого класса — гибнущей аристократии или поднимающейся буржуазии — являлся великий англичанин. При этом М. Морозов прекрасно видел, порождением какой эпохи был Шекспир, и увлекательно описывал эту эпоху. Далеко от крайностей М. Морозов и в таком запутанном вопросе, как личностный момент в творчестве Шекспира. Великая объективность шекспировских пьес не заставляет его скидывать со счетов Шекспира-человека — она лишь помогает ему увидеть в Шекспире личность огромную, всеобъемлющую. И здесь исследователю снова приходится на помощь превосходное знание текстов. Он буквально «вычитывает» Шекспира из его пьес, прекрасно ощущая в них единство авторского начала.

Да разве мог иначе воспринять своего героя человек, сам обладавший столь яркой индивидуальностью? Конец сборника захватывающе интересен — он отведен воспоминаниям о Морозове: его матери — М. Мамоновой-Морозовой, С. Маршака, М. Кнебель и Е. Буромской-Морозовой, принимающей самое деятельное участие в посмертных изданиях книг ее мужа. Впрочем, только ли таланту авторов обязаны эти краткие очерки тем вниманием, которое они привлекают? Нет, конечно. Ведь так интересно можно писать лишь об очень интересном человеке.

Ю. КАГАРЛИКИЙ

ЛИТЕРАТУРА И ГАЗЕТА
Г. МОСКВА

2 АПР 1980